
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Вера в сверхъестественное свойственна человечеству с начала времен. Народная фантазия наделяет тайными, не открывающимися с первого взгляда свойствами весь окружающий мир. Причудливой формы камни, вековые необычайные деревья, удивительные цветы, звери и птицы, ведущие обособленную от людей и потому загадочную жизнь, — все это в народном сознании приобретает таинственные, многозначительные черты. Что уж говорить о мире потустороннем, куда уходят (и откуда по разным причинам иногда возвращаются) многие поколения умерших: нет ни одной традиционной культуры, в повседневной жизни которой не занимал бы особенного места комплекс представлений и сопутствующих им ритуалов, связанных с рождением и умиранием. Традиционный Китай не является исключением: обряды перехода играют в китайской повседневности важнейшую роль.

Китайская культура — в силу непрерывности и преемственности своего развития — как никакая другая дарит исследователю разнообразнейший материал для изучения самых разных аспектов материальной и духовной жизни старого Китая. Заключение этот материал в первую и главную очередь в богатейшей сокровищнице письменных памятников. Многие поколения китайских книжников трудились над их сохранением, систематизацией, комментированием: дошедший до нас корпус китайской книжности поражает воображение своими масштабами. Это поистине море — безбрежное море знаний на все случаи жизни и обо всех ее аспектах; не утонуть в нем порой бывает нелегко. Извечные вопросы — как жило традиционное китайское общество? чем дышало? во что верило? — занимали и занимают не одно поколение исследователей. Однако ответы на вопросы, лишь на первый взгляд кажущиеся простыми, затруднены самой спецификой бытования традиционной письменной культуры. К примеру, вопрос о мифологии: была ли она в Китае, и если была, то в каком виде? Нет

однозначного ответа. Еще в стародавние времена все известные на тот момент сведения были заботливо уложены в рамки исторических хроник, мифы обрели плоть, реальность, географию, датировку, легендарные герои встали в один ряд с реальными императорами и их сановниками, и все, что мы можем сделать сейчас, — это попытаться развести достоверные исторические факты и их легендарную предысторию. Попытки эти не всегда успешны, ведь сосредоточенная на абсолютном историзме и безусловной достоверности письменного слова китайская культура из века в век перемалывала и мифологию и фольклор, сообщая любому явлению достоверность факта.

Как быть исследователю? Как не впасть в крайность? Где та грань, которая отделяет китайскую сюжетную прозу до VI в. от фольклорных рассказов-быличек? Можно, конечно, объявить такую прозу мифологической и считать, что проблема решена, но верно ли это на самом деле, ведь подавляющее число так называемых быличек дошли до нашего времени в составе авторских сборников? Где в таком случае заканчивается фольклорный материал и начинается авторская обработка, выражающаяся если не в самостоятельном творчестве, то в подборе имеющегося материала, в редактировании, осмыслении и оценке, традиция которых идет со времен Сыма Цяня? Кто и когда доказал, что самостоятельное творчество, авторский вымысел в прозе этого периода — отсутствуют? Кто исследовал их специфику? Китайский материал оригинален: к нему подходят далеко не все разработанные на западном материале схемы и большая их часть должна применяться с осторожностью.

Китаеведение — наука молодая, к тому же отягощенная, в самом хорошем смысле этого слова, необъятным количеством дошедших до нас письменных памятников, созданных людьми, идеологию которых без тщательного изучения представить трудно. Поэтому такое изучение — первостепенная задача нашей синологии. В этой связи, несмотря на все уже предпринятые усилия научного сообщества, базовой задачей китаеведения по-прежнему остается введение в активный научный оборот разнообразных письменных памятников. Ведь при всей банальности этой мысли — только правильное понимание места того или иного памятника в истории китайской культуры дает нам чаемую возможность адекватной интерпретации материала, что сегодня актуаль-

но так же, как и сто лет назад. При этом, конечно, не следует забывать о том, что данный материал является продуктом интеллектуальных усилий тонкой образованной прослойки старого китайского общества, прошел через призму восприятия книжников, был систематизирован и осмыслен.

Однако, несмотря на вполне естественное для любого средневекового общества деление на узкий круг высокообразованных, знающих грамоте книжников и абсолютно господствующее, не знающее грамоты и в силу этого практически не имеющее возможности (или потребности) приобщиться к книжному знанию большинство, вряд ли можно говорить о том, что эти части общества существовали в разных культурных пространствах — по крайней мере, на повседневном бытовом уровне. Тонкое вещество культуры — та самая «глобальность», по выражению А. Я. Гуревича, тот самый воздух, которым дышат все члены общества, незримая всеобъемлющая среда, в которую погружены все представители данного исторического социума, вне зависимости от их культурной идентификации¹ — дает нам возможность осторожно эксплицировать из традиционных текстов, созданных высокообразованными, те базовые элементы культуры, которые были свойственны обществу в целом.

В старых китайских письменных памятниках (в данном случае я не веду речь о теоретических трактатах, философских сочинениях и прочих произведениях так называемой высокой словесности, но говорю в первую очередь о традиционной прозе, к высокой словесности не относившейся и в гораздо меньшей мере испытывавшей прессинг официальной идеологии) личные и ментальные особенности авторов стирались, нивелировались; речь в традиционной прозе шла об обыденном, общеизвестном, знакомом и верхам и низам. Авторы таких текстов знали все то же самое, что знал народ, — по крайней мере, в части тех представлений, которые носитель определенной культуры впитывает изустно, что называется, с молоком матери, — но знали и сверх того, поэтому культурная интенция каждого автора неминуемо упорядочивала разнородный материал, создавая и запечатлевая общий для всех универсум. Поэтому в сюжетной прозе мы имеем дело с народными верованиями и традиционными представлениями не в

¹ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. С. 11.

свободной стихийной форме их бытования, но в упорядоченном самими носителями культуры виде¹. Это — результат многолетнего строительства картины мира, которая постоянно дописывается и уточняется, проверяется на предмет ее бытийности и правдивости; это многовековой опыт собирания типических, постоянно происходивших случаев, которые своей типичностью создают прецедент реального факта.

Таким образом, в изучении базовых элементов картины мира традиционного общества обращение к традиционным письменным памятникам не только оправданно, но и необходимо. Там, где полевой исследователь наблюдает стихийное бытование тех или иных верований и обрядов, исследователь письменных памятников встречает упорядоченную версию картины мира того или иного периода. Для китайской культуры, в силу ее многовекового непрерывного развития, ввиду ее историчности и фактологичности, данное утверждение более чем справедливо. Китайские книжники отнюдь не были литераторами в современном смысле этого слова, т. е. выдумщиками и сочинителями. Как правило, все они несли государственную службу, к которой их готовила и обязывала система образования, и в этой своей службе они были в первую очередь наблюдателями окружающей жизни. Авторские сборники бицзи, которые мы могли бы сегодня назвать записными книжками литераторов-чиновников, содержали выдумки не больше, чем современное описание традиционных обрядов и обычаев: книжники не выдумывали, но фиксировали то, что видели и слышали, осмыслили полученную информацию и рассуждали о ней, систематизировали и дополняли ее.

Современный исследователь не может не ориентироваться на труды китайских книжников, которые уже провели предварительную отборочную работу по упорядочиванию традиционной картины мира — внутри традиции. Однако сам ученый пребывает вне традиции, наблюдает ее со стороны, а потому неизбежно предлагает собственные попытки классификации и упорядочива-

¹ Что дает, например, основание на материале сюжетной прозы буддийского характера реконструировать простонародный, низовой буддизм времени определенной эпохи, как это сделал М. Е. Ермаков, подчеркивающий различие между высоким знанием, заключенным в сутрах, и обыденным знанием, отраженным в сюжетной прозе: «Основная линия разграничения проходит здесь между элитарным буддизмом ученого монашества и буддизмом мирян вне зависимости от их социальной принадлежности» (Ермаков М. Е. Об авторе «Мин сян цзи». Т. 1. С. 24).

ния, связанные с изучением преемственности тех или иных верований, их распространением и развитием.

Ниже мы попытаемся рассмотреть, как можно использовать старую китайскую прозу для реконструкции некоторых комплексов повседневных верований жителей Поднебесной X—XIII в.

Название этой книги говорит само за себя: бесы, лисы, духи; дальнейшее внимание будет сосредоточено именно на этих персонажах старой китайской прозы — в том виде, в каком они предстают в письменных памятниках, и на связанных с ними традиционных представлениях. Следует оговориться, что под бесами в данной работе понимаются исключительно души умерших, под лисами — лисы-оборотни, под духами мы разумеем представителей традиционного китайского пантеона.

При этом главной своей задачей я считаю не создание неких концепций и теорий, но в первую голову — введение в научный оборот самих письменных памятников (в виде русских переводов, снабженных исчерпывающими примечаниями), а также систематизацию заключенного в них материала; именно это на современном этапе развития отечественного китаеведения представляется мне наиболее важным. И потому существенную часть книги составляют переводы из значимого как для заявленной темы, так и для истории китайской словесности сборника — «Высокие суждения у дворцовых ворот» Лю Фу (ок. 1020?— после 1100). По той же причине в состав книги вошли очерки, основанные на изучении других сунских памятников, в качестве примера, как можно эксплицировать из письменных источников те базовые элементы традиционной картины мира, без изучения и систематизации которых мы не сможем развести бытовое, всеобщее и личное, авторское, а также легендарное, доисторическое и историческое, достоверное.

Пользуясь случаем, хочу выразить глубокую благодарность Е. А. Резвану, М. А. Родионову, а также Е. В. Ивановой, В. Н. Кислякову и А. Б. Старостиной, чьи доброжелательные замечания оказались весьма полезны в работе над этой книгой.